

О ПОНЯТИИ «УКРАИНИЗАЦИЯ»

© 2020 г. Е.Ю. Борисенок

*Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.**vostslav@yandex.ru*

В статье анализируются принятые в современной историографии интерпретации понятия «украинизация», тесно связанные с пониманием и оценкой происходивших на украинских землях политических и культурных изменений первой половины XX в.

The article analyses the conventional for modern historical writing notions of «Ukrainisation» which are tightly interwoven with the understanding of political and cultural changes in the Ukrainian lands in the first half of the twentieth century

Ключевые слова: украинизация, национальная политика, современная историография.

Keywords: Ukrainisation, national policy, modern historiography

DOI: 10.31857/S0869544X0008108-1

В современных исследованиях в области украинской истории и культуры проблеме украинизации отведено немало места. В научном сообществе, а также среди неспециалистов, интересующихся историей, сложилось определенное представление о сути этого явления, причем в большинстве случаев украинизация ассоциируется с советской политикой, которая проводилась в СССР в 1920–1930-е годы. Между тем история применения понятия достаточно интересна. Об украинизации более или менее активно стали писать лидеры украинского национального движения в начале XX в. Так, принято указывать, что М.С. Грушевский писал о необходимости «введения украинских дисциплин, украинизации высшей школы на Украине», имея в виду перевод части учебных заведений на украинский язык обучения [1. С. 178]. Противники Грушевского придавали понятию «украинизация» негативный оттенок [2. С. 144]. Например, С.Н. Щеголев в работе «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» писал об «украинизаторских подкопах» «под южнорусское народное строительство» [3. С. 398]. Известный борец с украинской национальной идеей, Щеголев предложил всю «работу украинской партии называть, ради краткости выражения, украинизацией», обозначая деятельность указанной партии «по воспитанию населения в украинском национальном духе» как «украинизацию южнорусского населения» [3. С. 73, 272, 333–334].

Особенно широкое распространение слово «украинизация» получило в период революции и гражданской войны на Украине. В протоколах заседаний Центральной Рады оно употреблялось регулярно, особенно когда речь шла о делопроизводстве, школах, прессе, армии. Более того, в апреле 1917 г. Центральная Рада прямо заявила, что придерживается принципа «украинизации всей жизни на Украине» [4. С. 70].

Слово «украинизация» оказалось чрезвычайно живучим и не исчезло после крушения Украинской Народной Республики (УНР), а вошло в большевистский лексикон. После XII съезда РКП(б) 1923 г., на котором было принято известное постановление о необходимости «укоренения» партийного и государственного аппарата в национальных республиках, украинизация стала обозначать региональную форму политики коренизации. Первоначально употреблявшееся понятие «национализация государственных и партийных органов» не прижилось, поскольку ассоциировалось с передачей в собственность государства различных экономических объектов (см. [2]), а слово «украинизация», напротив, стало широко использоваться в 1920–1930-е годы. В «Толковом словаре русского языка», вышедшем под редакцией Д.Н. Ушакова в 1934–1940 гг., украинизация трактуется как «внедрение украинской культуры и языка», причем с пометкой «новое» — «слово или значение возникло в русском языке в эпоху мировой войны и революции (т.е. с 1914 г.)». В качестве примеров приведены столь характерные для Советской Украины выражения: «украинизация аппарата» и «украинизация школы» [5]. Длительное и частое употребление подобных словосочетаний в межвоенной УССР обусловило ассоциативную связь понятия «украинизация» прежде всего с «коренизацией», проводившейся советской властью в УССР. В современной гуманитарной науке попытки толкования понятия «украинизация» стали предприниматься именно в связи с разработкой проблем советской национальной политики.

В современной историографии взлет исследовательского интереса к национальной проблематике приходится на рубеж 1980–1990-х годов. В Советском Союзе исследователи не могли рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС. Поэтому в советской историографии проблема украинизации оставалась малоизученной, хотя и появились отдельные интересные работы. Так, А.Б. Слуцкий в своей монографии, посвященной советскому и культурному строительству на Украине, понимал под украинизацией систему мероприятий, направленных на овладение украинским языком и культурой широкими массами работающего на Украине неукраинского пролетариата, а также работниками партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных и общественных организаций [6. С. 68]. С другого ракурса рассматривал проблему украинизации известный диссидент, литературовед и публицист И.М. Дзюба. В написанной в 1965 г. работе «Интернационализм или русификация»¹ он интерпретировал украинизацию с точки зрения протекания процессов русификации/дерусификации: «На Украине КП(б)У в течение 20-х годов, как известно, проводила согласно постановлениям Коминтерна, VII, VIII, X, XII и других съездов РКП(б)—ВКП(б), съездов КП(б)У огромную национально-воспитательную работу, которая вошла в историю партии и Украины под названием “украинизации” (или “дерусификации”)» [7. С. 76].

¹ Книга впервые была издана не в Советском Союзе, а в Мюнхене, и была переиздана на Украине только после провозглашения независимости.

За рубежом процесс украинизации оказался в центре внимания, прежде всего, историков украинского происхождения, а также советологов. Впрочем, фокус внимания последних был часто сосредоточен на общих, а не региональных аспектах. Общим местом для работ представителей украинской диаспоры стало критическое изложение политики Москвы в отношении Украины и повышенное внимание к национальным факторам. Так, С. Николишин указывал, что «москальи» использовали украинизацию, чтобы «через украинский язык легче донести до украинского рабочего, крестьянина и интеллигента [...] свои имперские идеи», чтобы «убаюкать взбудораженную революцией украинскую мысль» [8. С. 42]. Итогом подобного рода размышлений стала большая статья под названием «Украинизация» в 9-м томе словарной части «Энциклопедии украиноведения», изданном в 1980 г.: «Украинизация, временная политика ВКП(б), осуществляемая в 1920 — начале 30-х годов ЦК КП(б)У и правительством УССР с целью укрепления советской власти на Украине средствами уступок в виде введения украинского языка в школе, прессе и других областях культурной жизни, а также в администрации — как государственного языка республики». Автор статьи, соредактор энциклопедии, украинский историк и общественный деятель А.И. Жуковский подчеркивал, что политика украинизации, противоречившая «великодержавным устремлениям ВКП(б)», стала вынужденным шагом, поскольку была обусловлена враждебным отношением к советской власти населения Украины, национальное сознание которого возросло за предыдущие десятилетия и особенно в ходе национальной революции 1917—1920 гг., а также «угрозой интервенции Польши, поддерживаемой Антантой». Поэтому большевистская партия «вынуждена была пойти на уступки национальным движениям, прежде всего украинскому», и пошла на введение в школе и администрации родного языка национальных республик при одновременном увеличении удельного веса местных кадров во всех областях экономики и культуры [9]. Особо подчеркивается, что украинизация всегда наталкивалась на враждебное сопротивление русских великодержавных шовинистов на Украине, «поддерживаемых московской и ленинградской прессой и особо настойчивыми украиножерами на высоких должностях (Ю. Ларин, В. Ваганян и др.)». Большинство же КП(б)У было «безразлично, а то и враждебно украинизации», сторонниками украинизации являлись только украинцы-коммунисты, особенно бывшие боротьбисты [9].

Как уже упоминалось, с рубежа 1980—1990-х годов интерес к теме значительно увеличивается. Среди зарубежных исследований наибольшую популярность приобрели несколько работ. Прежде всего, это труд канадского историка украинского происхождения О. Субтельного [10]². В разделе о Советской Украине историк выделяет главу «Украинизация», причем указывает, что последняя была украинской разновидностью политики коренизации. По его мнению, Украина составляла «слабое звено советской власти», и поэтому, «когда нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов». Партийное руководство стремилось, «чтобы в партию и государственный аппарат шли нерусские, чтобы служащие изучали и пользовались местными языками, чтобы государство поддерживало культурное и социальное развитие других народов» [11. С. 337].

Другие, не менее популярные работы, принадлежат канадскому историк-у с русинскими корнями П.-Р. Магочи [12—14]. Рассматривая советскую

² Этот труд уже в 1991 г. был опубликован на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине.

украинизацию, ученый указывает, что с ее помощью КП(б)У надеялась легитимизировать свою власть на Советской Украине, привлекая в свои ряды широкие слои местного населения и одновременно содействуя развитию украинского языка и культуры [14. С. 524].

Наконец, большое внимание проблеме украинизации отведено в труде американского ученого Т. Мартина, который рассматривает ее в рамках стратегии положительной деятельности как региональный вариант коренизации. Лучшим синонимом слова «коренизация» является, по его мнению, «индигенизация» («отуземливание»). Оно образовано «от прилагательного с этим корнем — “коренной”, употребляемого в словосочетании “коренной народ”», а «в национальных республиках проводимая политика называлась по имени титульной национальности: “украинизация”, “узбекизация”, “ойротизация”» [15. С. 23] (это издание является переводом на русский язык [16]). При этом коренизация «имела две основные цели: создание национальных элит (положительная деятельность) и утверждение господствующего положения языков коренных народов на национальных территориях (коренизация языковой сферы)» [15. С. 108].

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными, особенно активно занимавшимися разработкой проблемы советской украинизации в 1990-е и 2000-е годы: изданный в 2003 г. в Киеве библиографический указатель по этой проблеме насчитывает 219 страниц [17]. Украинизация рассматривается как вынужденная политика, направленная на укрепление советской власти в республике. Г.Г. Ефименко подчеркивает: «Политика украинизации была одной из национальных разновидностей политики коренизации, проводимой руководством ВКП(б) с 1923 г. Целью политики коренизации в общесоюзном масштабе было завоевание доверия нерусского населения, втягивание его в орбиту властных интересов и активное участие националов в модернизационных процессах. Задачи стояли сугубо практические, необходимые как для укрепления власти в обществе, так и для создания возможностей для ускоренного экономического развития» [18. С. 355].

Подобный подход прочно вошел в современную украинскую историографию и представлен в обобщающих трудах украинских ученых. Так, в издании «Национальный вопрос на Украине XX — начала XXI в.» соответствующий раздел, написанный Г.Г. Ефименко и Л.Д. Якубовой, носит название «Национальные отношения в Советской Украине (1923—1938)». По мнению авторов, «извне политика коренизации/украинизации имела определенные признаки (многими так и воспринималась) содействия развитию подавленных ранее культур [...]. Однако не только в Кремле, но и среди подавляющей части большевистской номенклатуры на Украине задачи политики коренизации ограничивались намерениями активного использования языков нерусских народов (на Украине — прежде всего украинского) в коммунистическом строительстве и широкого привлечения к этому процессу местных кадров» [19. С. 212].

В то же время украинские ученые подчеркивают, что «украинизация» не синонимична «коренизации». Г.Н. Васильчук замечает: «Термин “украинизация” был перенесен в УССР под давлением социально-политических обстоятельств, обусловленных инерционными силами украинской революции, который большевики трансформировали в конкретную политику в соответствии с собственной политико-идеологической доктриной развития социалистического строя. Он означал введение украинского языка в государственных, культурно-образовательных и общественных учреждениях. Историки разграничивают понятия

“украинизация” и “коренизация”, которые отличались по смыслу и назначению. Первое, по мнению некоторых авторов, является функциональной составляющей “политики коренизации”, ее исторической формой» [20. С. 214].

В данном случае Васильчук ссылается на авторов труда «“Украинизация” 1920–1930-х годов: предпосылки, приобретения, уроки». Пытаясь разобраться в форме и содержании советской украинизации, последние предлагают рассматривать ее как национальную реформу: «Среди многих реформ, которые сопровождали внедрение нэпа, была и национальная. В масштабах многонациональной страны она вкладывалась в формулу “политика коренизации”, а на Украине за ней закрепилось название “украинизация”» [21. С. 5]. По мнению авторов, «термин “национальная реформа” точнее, нежели понятие “политика коренизации”, передает суть начатого XII съездом партии поворота в национальном вопросе» [21. С. 23]. При этом обращается внимание на необходимость «разграничить национальную реформу, которая проводилась центром, и национально-культурное движение масс, подчиненное задачам национального возрождения» [21. С. 7]. С этой точки зрения, украинизация была «мощным средством этнонациональной мобилизации той части этнической общности, которая утратила (или не приобрела) свою идентичность», т.е. это была своеобразная модель мобилизации. С другой стороны, это была мобилизация с характерной модернистской установкой, направленной на формирование «современного национального сообщества» [21. С. 179].

О связи коренизации и модернизации речь идет и в уже упомянутой обобщающей работе «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI в.». Г.Г. Ефименко и Л.Д. Якубова указывают: «Коренизация имела две основные взаимосвязанные составляющие, predeterminedные потребностями модернизации страны и необходимостью усиления влияния власти на общество: широкое привлечение местных кадров к управленческим структурам и перевод на язык местного населения значительной части культурно-образовательной, административной и агитационно-пропагандистской работы» [19. С. 196]. Одновременно в современной украинской историографии проводится параллель между украинизацией и нэпом. Я.В. Верменич, например, указывает: «крутым поворотом была вся стратегия нэпа, в которую вписывались и маневры “коренизации”. В контексте либерализационных мер новой экономической политики национальная реформа возникает как важное звено, назначением которого была, прежде всего, минимизация опасностей, вытекающих из необходимости управлять в полиэтнической, в значительной степени враждебной среде» [22. С. 210].

Суть происходивших изменений нередко трактуется как дерусификация. Подобная интерпретация не нова, достаточно вспомнить, например, приведенное выше высказывание И.М. Дзюбы. «Политика коренизации, — пишет В.М. Даниленко, — получила на Украине [...] неудачное и исторически неоправданное название “украинизации”. Это название никак не отвечало процессам, происходившим в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и в период большевистского правления» [23. С. 67]. Историк замечает, что обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией. Это был процесс, «который с полной уверенностью можно назвать “дерусификацией”» [24. С. 98]. Параллель между украинизацией и дерусификацией проводится достаточно часто. Так, по мнению авторов обобщающего издания «Государство и цивилизация в истории

Украины», политика коренизации «значительно повлияла на развитие нерусских народов тогдашнего СССР, в частности украинского, поскольку на практике она означала дерусификацию» [25. С. 542].

Интересный подход к проблеме украинизации демонстрирует М.Н. Кузьменко. Ученый считает украинизацию методом советизации духовной жизни украинского общества путем идеологической адаптации национальных символов и идей к условиям советской (большевистской) модели социализма. Из объекта национального возрождения на Украине ее превратили в способ модернизации общества по основным принципам большевизма — монопартийная система власти и унифицированная духовная жизнь, утверждение единой (государственной) формы собственности и временность каких-либо социокультурных сообществ, идеализация и обожествление вождя и растворение личности в коллективе [26. С. 96].

Несмотря на попытки разобраться во всех аспектах такого сложного явления, как советская украинизация, определение этого сложного понятия в большинстве случаев сводится к тезису о том, что это была политика укрепления советской власти в национальных республиках. С.В. Кульчицкий в монографии «Коммунизм на Украине: первое десятилетие (1919–1928)» разъясняет, что «украинизация была политикой коренизации, осуществляемой партией для укрепления правительственных структур в национальных республиках и автономиях» [27. С. 380]. В одной из своих статей украинский историк подчеркивает: «Суть такой политики заключалась в укоренении советской власти в нерусской среде. Представители этой власти должны были овладевать языками и культурными традициями местного населения, а сама власть — пополняться за его счет. Политика коренизации превращала контроль центра над периферией с внешнего, который осуществлялся исключительно силой, во внутренний, осуществляемый административно политическими средствами. Советская власть коренизировалась, т.е. лишалась ореола оккупационности. Так же важным было и то, что осуществляемая местными языками идеологическая работа становилась более эффективной. В партийных документах декларировалось, что целью политики коренизации является содействие развитию культур и языков коренных национальностей. В этой сфере достижения советской Украины были весомыми» [28. С. 64].

Г.Н. Васильчук дал определение украинизации согласно этой точке зрения: «Самым верным, на наш взгляд, будет под украинизацией понимать процесс, который был объективно обусловлен общественно-политическим и экономическим положением Украины в 20-х годах, проводился согласно канонам большевистской национальной политики, был направлен на овладение украинской освободительной идеей и приближение советской власти к украиноязычному населению республики» [29. С. 196]. Определение, данное Васильчуком, передает осмысление украинизации в ее советском варианте согласно принятой в современной украинской историографии концепции национальной истории.

Итоги изысканий современных украинских ученых нашли отражение в энциклопедических статьях. Следует, прежде всего, обратить внимание на статью В.М. Даниленко «Коренизация» в «Энциклопедии истории Украины» (том 5, выпущенный в 2008 г.). Коренизация представляет собой «название политики, проводимой в 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР правящей партией большевиков с целью укрепления влияния центральной власти в национальных окраинах через уступки в употреблении там национальных языков в сферах образования, культуры, государственном управлении, в социально-экономической

и общественной жизни. Такая политика, по мнению большевиков, должна была повсеместно сделать советскую власть “родной”, “народной” и “понятной” — воспринимаемой не как навязанная извне, а как коренная. Для этого создавались национальные управленческие элиты, которые знали местный язык, быт, обычаи и традиции, и через них в сознание населения внедрялись идеалы и ценности коммунистической идеологии. На местах такая политика приобретала соответствующие национальные формы — “украинизации”, “белорусизации”, “татаризации” и тому подобное». Таким образом, в современной украинской энциклопедии, как и в «Энциклопедии украиноведения» 1980 г., основной акцент делается на необходимости укрепления СССР, в связи с чем власть шла на «уступки национальным политическим силам, которые во время развала Российской империи добились собственной государственности, но в результате большевистской интервенции потеряли ее) и в то же время обеспечивала “встраивание” в советскую систему этничности (это позволяло погасить мобилизационный потенциал последней, направив его в русло национально-коммунистического строительства)» [30].

В других современных украинских энциклопедических изданиях при определении понятия «украинизация» вполне отчетливо указывается на то, что это была политика, проводимая в Украинской ССР, причем акцент делается на ее языковом аспекте. Так, «Украинский язык: энциклопедия» дает следующее определение украинизации: «Украинизация — расширение общественных функций украинского языка, внедрение его в официальное употребление в государственных, политических, общественных и культурно-просветительных учреждениях и организациях в 20-е годы на территории УССР и в местах компактного проживания украинцев в др. республиках СССР» [31. С. 699]. В юридической энциклопедии украинизация трактуется как «государственно-партийная политика в УССР, направленная на введение украинского языка в государственных учреждениях, образовательной и культурной сферах республики». Поскольку речь идет о юридических основах украинизации, в статье перечисляются постановления республиканских властей в области украинизации [32].

Таким образом, проблеме украинизации в современной историографии уделяется немало внимания. В 2008 г. Г.Н. Васильчук даже счел нужным подчеркнуть, что тема украинизации методологически и тематически исчерпала себя и нуждается в новых подходах, в частности в контексте истории повседневности [33. С. 347]. Однако анализ историографии позволяет не согласиться с тем, что проблема получила должное всестороннее освещение. Несмотря на обилие появившихся работ, обобщающих фундаментальных исследований по проблеме мало. Через несколько лет после заявления Васильчука, в 2014 г., С.В. Кульчицкий вынужден был признать: «На украинскую тему мы имеем два исследования: коллективная монография “Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», изданная Институтом истории Украины НАНУ в 2003 г., и монография Е. Борисенко [...] “Феномен советской украинизации”, которая появилась в Москве в 2006 г. Имеем также фундаментальный труд потомка украинских меннонитов, которые эмигрировали в Канаду, гарвардского профессора Т. Мартина «Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923–1939». Эта книга увидела свет в 2001 г.». Рассматривая историографию «кампании коренизации 1920–1930-х годов», украинский специалист подчеркивает, что «сугубо с событийного взгляда она освещена в достаточной степени. Однако связь с другими аспектами внутренней политики Кремля в существующей литературе не

прослеживается. Авторы предпочитают определенные аспекты кампании, не обращая пристального внимания на их совокупность» [34. С. 218–219].

За время, прошедшее после заявления украинского историка, историография проблемы пополнилась (в том числе [35; 36]), однако нельзя не согласиться с тем, что настало время обобщения накопленных фактов, дабы рассмотреть проблему украинизации во всей ее полноте, выделить специфические признаки и дать более точное определение этому сложному понятию. Г.Г. Ефименко признает, что «много дискуссий, например, вызвал термин “украинизация” [...]». Взгляды украинских историков различаются как насчет самой правомерности употребления такого термина (предложение брать в кавычки, заменить его другим — *дерусификация*, *национальная реформа* (здесь и далее выделено Г.Г. Ефименко. — Е.Б.), ничего не меняет), так и относительно его содержательного наполнения. Вследствие этого появляется немало недопониманий и в работах, где выяснению непосредственного содержания термина “украинизация” не уделяется специального внимания» [18. С. 355–356]. В свою очередь, Ефименко подчеркивает, что он «различает понятие “*политика украинизации*” и “*украинизация*”». Наиболее уместным автор считает «отделение *политики украинизации*, осуществлявшейся компартийным руководством с целью “укоренения” в среде украинцев, от украинизации как естественного процесса в украинском обществе на пути возрождения украинской нации, как проявления трансформированной энергии украинского народа. И если на определенном этапе украинизация как процесс не имела непреодолимых противоречий с большевистской политикой, то это вовсе не означает, что большевики пытались способствовать украинскому возрождению» [18. С. 355].

Учитывая сложный путь формирования понятия, его применения и интерпретации, следует обратить особое внимание на предложение украинского историка четко разграничить понятия украинизации как политики («политика украинизации»), осуществлявшейся большевиками, и украинизации как процесса укрепления национального самосознания («процесс украинизации»). Однако, рассматривая происходившие на советском пространстве события, становится очевидным, что в УССР политика украинизации и процесс украинизации взаимосвязаны. Безусловно, на национальное самосознание может оказывать влияние множество факторов, однако позиция государства — далеко не последний из них. Политика украинизации — при помощи протекционизма и в культурно-языковой, и в кадровой сфере — была направлена на фиксацию в сознании представителей титульной нации республики украинской идентичности. Прежде всего, на официальном уровне за населением было закреплено наименование «украинец». Так, в составленном к переписи 1926 г. перечне народностей под вторым номером (вслед за русскими) значились украинцы, а по словарю народностей наименование «малорусы» относились к многочисленным конкретным наименованиям и должны были быть отнесены ко второму пункту перечня, т.е. украинцам. О том, насколько внимательно советская власть относилась к проблеме фиксации национальной принадлежности, свидетельствует то обстоятельство, что в условиях украинизации национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Поэтому, вряд ли удастся жестко разграничить украинизацию, осуществлявшуюся в УССР, на две отдельные части — «политику» и «естественный процесс», поскольку в реальной жизни обе стороны были тесно связаны между собой.

Таким образом, в современной украинской историографии украинизация рассматривается, прежде всего, как региональная форма коренизации. При

этом в определении данного понятия фигурируют положения, ведущие свое происхождение от тезисов, распространенных преимущественно в работах оппонентов или, по крайней мере, критиков советской власти: «овладение украинской освободительной идеей», «укрепление правительственных структур в национальных республиках», «дерусификация». Однако при определении понятия «украинизация» как проводимой государством политики стоит учитывать наличие нескольких ее вариантов: политика украинизации проводилась не только советской властью. Таким же словом обозначается и политика формирующихся национальных украинских государств в революционный период. Например, С.В. Кульчицкий заявляет: «Политику украинизации проводили правительства Центральной Рады, Украинской Державы, УНР времен Директории. Она была средством пробуждения национального самосознания украинского народа. Украинизацию, однако, проводила и советская власть, которая уничтожила УНР и вернула Украину в лоно империи, восстановленной под другим названием. Поэтому словосочетание “советская украинизация” кажется некоторым исследователям сочетанием несочетаемых понятий, оксимороном. Они берут в кавычки такую украинизацию, будто подчеркивая, что речь идет о явлении, которого на самом деле не существовало» [28. С. 64].

По словам другого специалиста, В.Ф. Шевченко, политика украинизации была стержнем, главным направлением революции на Украине: «В 1917–1921 гг. шла речь об украинизации т.е. прекращении искусственной подмены его собственного естества русским (или каким-либо другим) языком, культурой, государственностью и тому подобное, а о приведении в соответствие с национальной сущностью подавляющего большинства населения — украинства — содержания и форм деятельности тех институций, которые его обслуживают, — соборного государства, его структур, должностных лиц, политических и общественных организаций, учреждений образования, науки, разных видов искусства, средств массовой информации, и тому подобное» [37. С. 111–112].

Учитывая особенности развития национальных процессов на украинских землях, вполне можно говорить не только о советской политике украинизации, но и о других ее вариантах: об украинизации, проводившейся в 1917–1920 гг., причем как правительствами Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, так и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), а в конце 1938 — начале 1939 г. — лидерами Карпатской Украины. Однако наличие «разных» украинизаций ставит вопрос об их сходстве и различиях.

Так, в издании «История государственной службы на Украине» С.В. Кульчицкий и Г.Г. Ефименко, написавшие раздел «Структура государственной власти в условиях формирования тоталитарного строя», указывают: «Одновременно с образованием СССР главным средством решения национального, в том числе и украинского, вопроса стала политика коренизации, украинская разновидность которой получила название “украинизации”. Эту политику не следует идеализировать. Главным в ней было укоренение советской власти в украиноязычной среде. [...] Однако советская коренизация не могла не сближаться в определенных измерениях с украинизацией, которую осуществляли национальные правительства. Общим знаменателем для обоих типов украинизации — национального и советского — была дерусификация. Преследуемый сотни лет родной язык украинцы слышали в школах и учреждениях культуры. Это способствовало укоренению советской власти в массах» [38. С. 232].

Безусловно, идеалы деятелей украинского движения были связаны в первую очередь с национальной государственностью, а для советского украинского руководства первостепенное значение имели социальные преобразования. Тем не менее, различия в проведении украинизации были обусловлены во многом временным фактором: лидеры формирующихся национальных государств просто не имели ни времени, ни возможности для полного внедрения в жизнь своих намерений, и поэтому в развернутом виде был воплощен в жизнь советский вариант украинизации. В то же время, как и любая власть, и лидеры формирующихся государств, и украинское советское руководство были заинтересованы в укреплении своего положения.

Главное, на что следует обратить внимание при анализе той или иной политики украинизации, это, прежде всего, стремление лидеров вышеупомянутых государств официально определить украинскую национальную территорию, что было чрезвычайно важно в период трансформации геополитического пространства бывшей Российской империи. Например, Центральная Рада, заявившая в своем III Универсале 7 ноября 1917 г. об образовании УНР, «не отделяясь от республики Российской и сберегая ее единство», сразу же объявила, что к ее территории относятся земли, «заселенные преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волинь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики, касательно присоединения частей Курщины, Холмщины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено с согласия организованной воли народов» [4. С. 400].

Провозгласив Украину Социалистической Советской республикой, большевистское руководство также определило Украину территориально, причем пытаясь максимально (насколько, с их точки зрения, это было возможно с учетом интересов союзного государства) подогнать границы республики к этническим. Большевики фактически осуществили давнюю мечту о соборной Украине, и украинские земли были объединены в едином государственном пространстве. Накануне Второй мировой войны к Советской Украине были присоединены территории Восточной Галиции, Западной Волини, Северной Буковины и Бессарабии, а в результате войны — склоны Карпат, и, таким образом, все украинские земли были объединены в составе СССР. В итоге политика украинизации продолжилась на землях, которые в межвоенный период находились в составе Польши, Чехословакии и Румынии. Украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов, проживавших в СССР, оказались в роли национальных меньшинств. Эта территория в 1991 г. обрела государственную независимость.

Важно подчеркнуть, что определение территориальных границ позволяло возникнуть взаимосвязи «между этнической идентичностью и административным контролем над территорией» [15. С. 63]. Как замечает Т. Мартин, в народе укреплялось «представление о национальной территории как о своей собственной», т.е. принадлежащей «титульной нации». Таким образом, украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов оказались в роли национальных меньшинств.

Решения территориального вопроса и признание за украинцами статуса титульной нации повлекли за собой меры, направленные на реконструкцию общественной жизни украинского государства: расширение сферы употребления украинского языка и введение его в официально-деловую, научную,

образовательную, просветительскую сферы; поддержка украинской культуры; протекционистская кадровая политика. Если в культурно-языковой сфере правительствам УНР, ЗУНР, Украинской Державы, Карпатской Украины удалось предпринять определенные шаги, то в полной мере произвести запланированные преобразования в кадровой сфере в условиях нестабильной ситуации им не удалось. Однако советская украинизация имела возможность проявить себя и включала в себя меры, направленные на развитие социальной структуры украинского общества. Прежде всего, создавались приоритетные возможности для профессионального и карьерного роста представителям «коренной национальности». Кроме того, развитие промышленности должно было повлечь за собой сдвиги в социальной структуре украинского населения и увеличение численности украинцев среди пролетариата, поскольку естественным источником пополнения рабочей силы для фабрик и заводов было сельское население. Важно подчеркнуть, что украинизация создала условия для формирования украинской советской элиты.

Стоит отметить, что протекционизм и в культурно-языковой, и в кадровой сфере логично вытекал из определения части бывшей Российской империи как украинской территории. Украинизация была средством управления национальными процессами на территории, которая была обозначена как украинская, что особенно очевидно проявилось в УССР. Если говорить только о большевиках, то, безусловно, они стремились укрепить свое положение как в центре, так и в республиках. Однако укрепление/укоренение власти было именно одной из целей, но не содержанием политики советской украинизации. Сущность же украинизации как таковой определялась общим контекстом нацистроительства, «территориализацией» нации (если воспользоваться термином Р. Кайзера (см. [39]). Исходя из вышесказанного, имеется основание утверждать, что политика украинизации тесно связана с проблемой роли и места государства в процессе трансформации этноса в нацию в современном понимании этого термина. Можно говорить о том, что *украинизация представляет собой метод национального строительства, целенаправленный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики.* При этом имеется основание говорить о целенаправленном *государственном* курсе, поскольку украинизация в полной мере могла реализоваться только как политика государства: именно последнее обладало достаточными возможностями, в том числе административным ресурсом, в отличие от общественных, культурных и политических организаций, действовавших в рамках украинского национального движения на территории империй Романовых и Габсбургов, межвоенной Польши и др.

Представляется, что подобное определение украинизации в должной мере отражает суть этого непростого явления, помогает понять природу происходивших изменений в сфере межнациональных отношений, оценить сложность происходивших на украинских землях социокультурных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907.
2. Верменич Я.В., Бачинський Д.В. «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 1999. Вип. 3.

3. *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.
4. Українська Центральна Рада: док. і мат. у 2 т. Київ, 1996. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р.
5. Украинизация [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4: С — Яшурный. М., 1940. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Время доступа: 02.07.2019).
6. *Слуцький О.Б.* Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926—1929 рр.). Київ, 1957.
7. *Дзюба І.М.* Інтернаціоналізм чи русифікація. Мюнхен, 1968.
8. *Николишин С.* Культурна політика більшовиків і український культурний процес. Б.м., 1947.
9. *Жуковский А.* «Українізація» [Електронний ресурс] // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ-ІІ). Париж; Нью-Йорк, 1980. Т. 9: Тимофеев Валентин — Хмельницький Богдан. Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/encycl/euii260.htm> (Время доступа: 15.02.2019).
10. *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.
11. *Субтельний О.* Україна: історія / Пер. з англ. Київ, 1991.
12. *Magocsi P.R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848—1948. London; Cambridge, 1978.
13. *Магочий П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948) / Пер. з англ. Ужгород, 1994.
14. *Магочий П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів / Пер. з англ. Ужгород, 2012.
15. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011.
16. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923—1939. Ithaca; London, 2001.
17. Політика коренізації в радянській Україні (1920—30-і рр.). Науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ, 2003.
18. *Єфіменко Г.Г.* Сталінська національна політика серед українців Росії в 1930-ті рр.: правило чи виняток? // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2004. Вип. 11.
19. *Єфіменко Г.Г., Якубова Л.Д.* Національні відносини в радянській Україні (1923—1938) // Національне питання в Україні ХХ — початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012.
20. *Васильчук Г.М.* Обов'язок чи право: історико-правовий дискурс щодо виконання «Закону про мови» // Наук. зап. Ін-ту політолог. і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2007. Вип. 34.
21. «Українізація» 1920—30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.
22. *Верменич Я.В.* Національна реформа 20—30-х рр. в Україні: підсумки, політичні наслідки, уроки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2004. Вип. 11.
23. *Даниленко В.М.* «Українізація» 1920-х рр. і сьогодення // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22—28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історія. Львів, 1994. Ч. 2.
24. *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Київ, 1996. Вип. 2.
25. *Горелов М.Є., Моця О.П., Рафальський О.О.* Держава і цивілізація в історії України. Київ, 2009.
26. *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20—30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004.
27. *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919—1928). Київ, 1996.
28. *Кульчицький С.В.* Першопочатки радянської українізації // Світогляд. 2011. № 4.
29. *Васильчук Г.М.* Причини та мета українізаційної кампанії на Україні (ІІ десятиріччя ХХ ст.) // Наук. пр. іст. ф-ту Запоріж. держ. ун-ту. 2004. Вип. 18.
30. *Даниленко В.М.* «Коренізація» [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України. Київ, 2008. Т. 5: Кон—Кю. Режим доступа: <http://www.history.org.ua/?termin=Korenizatsiya> (Время доступа: 15.02.2019).
31. «Українізація» // Українська мова: Енциклопедія. 2-е вид., випр. і доп. Київ, 2004.
32. *Чехович В.А.* «Українізація» [Електронний ресурс] // Юридична енциклопедія: в 6 т. [Б. м.], 2004. Т. 6: Т — Я. Режим доступа: <http://leksika.com.ua/10940407/legal/ukrayinizatsiya> (Время доступа: 15.02.2019).

33. *Васильчук Г.М.* «Радянська інтелігенція»: сучасні тлумачення і аксіологічні орієнтири // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2008. Вип. 37.
34. *Кульчицький С.В.* Рец. на кн.: Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. М., 2013. 352 с. // Український історичний журнал. 2014. № 6.
35. *Борисенок Е.Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?» Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017.
36. *Борисенок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М., 2018.
37. *Шевченко В.Ф.* До питання про українізацію доби визвольних змагань і відродження національної державності та соборності (1917–1921 рр.) // Україна у світовій історії. 2014. № 4.
38. *Кульчицький С.В., Єфіменко Г.Г.* Структура державної влади в умовах формування тоталітарного ладу // Історія державної служби в Україні: у 5 т. Київ, 2009. Т. 2.
39. *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.